

ЛИНГВИСТИКА

Точки над *і* или многоточие?.. (к вопросу о современной научной парадигме)

© доктор филологических наук В. В. Красных, 2001

О необходимости изучения национального языкового сознания говорят уже давно, и в последние десятилетия появилась масса трудов, посвященных данной тематике и проблематике и с блеском доказывающих, что сегодня невозможно уже идти дальше и развивать лингвистическую науку, не выходя за рамки традиционной сосюррианской парадигмы (как ее понимают многие “традиционные” лингвисты). В последнее время бурное развитие переживают те направления, которые так или иначе связаны с человеком говорящим как конкретным субъектом коммуникации, носителем языкового сознания, представителем той или иной культуры. Но как всегда бывает в таких случаях, когда какое-то направление начинает бурно развиваться, образуется много “шелухи” и “пены”. С сожалением вынуждена констатировать, что в наши дни термины “дискурс, концепт, когнитивность, языковая личность, ментально-лингвальный комплекс, лингвокультурология, этнопсихоллингвистика, межкультурная коммуникация”, даже введенные относительно недавно научным семинаром “Текст и коммуникация (ТиК)”¹ “когнитивная база” и “прецедентные феномены”, равно как и масса других терминов того же “поля” мелькают в речи ученых дам и мужей, как модные аксессуары, без которых уже невозможно показаться “в приличном обществе”. Причем зачастую употребление этих понятий ничем не оправдано (кроме как данью моде) и не имеет никакого реального отношения к предмету, о котором говорит тот или иной автор.

В связи с этим со всей очевидностью, на мой взгляд, назрела острая необходимость расставить точки над *і* и все-таки определить более точно ту парадигму, которая складывается сейчас и в которой работает современная гуманитарная наука (как наука о человеке), ядром которой является наука о языке, т. е. лингвистика. Разумеется, я не претендую, во-первых, на категоричное утверждение, что центром гуманитарной науки так таковой всегда должна быть лингвистика (возможны и другие подходы в зависимости от научных пристрастий и научной базы конкретного

---

¹ Основоположники и постоянные участники семинара: д.ф.н. Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко и автор настоящей статьи.

исследователя), во-вторых, на то, что предлагаемая концепция даже в рамках лингвистических изысканий является единственно “правильной” и возможной.

В данной статье я предлагаю свою точку зрения, которую во многом (если не полностью) разделяют мои коллеги по семинару “Тик”. Я прекрасно понимаю, что в рамках одной короткой статьи невозможно изложить свое мнение по всему широчайшему спектру вопросов, связанных с современной парадигмой лингвистических (и шире — гуманитарных) исследований. Свою задачу в данном случае я вижу в том, чтобы открыть дискуссию, в которой, я надеюсь, примут участие многие коллеги: те, кто давно и плодотворно работает в рамках данной парадигмы, и те, кто не разделяет изложенных мною взглядов, кто давно и плодотворно работает в другой парадигме и имеет совершенно другое представление о будущем лингвистической науки.

И открыть эту дискуссию я хотела бы с того, чтобы представить цели и задачи исследований, которые представляются мне наиболее актуальными и значимыми сегодня, и уточнить понятийно-терминологический аппарат того фрагмента современной парадигмы, которым я оперирую и который так или иначе используется в работах других исследователей. Особо подчеркну, что я никоим образом не претендую на авторство всех терминов и понятий, используемых мною, тем более что многие из них именуют своих признанных “родителей” и стали уже частью научного обихода.

Итак, на сегодняшний день одной из самых насущных задач современной науки я считаю следующее: необходимо исследовать и описать мир “глазами русских”, мир, в котором обитают русские, в его взаимодействии с русским дискурсом, т. е., с одной стороны, рассмотреть сквозь призму русского языка мир во всем его разнообразии, а с другой — системно описать отражение “русского мира и мировидения” в языке и дискурсе.

Позволю себе сразу привести свое определение дискурса, дабы избежать неточного понимания: *дискурс есть вербализованная речемыслительная деятельность, понимаемая как совокупность процесса и результата и обладающая как собственно лингвистическим, так и экстралингвистическим планами.* При рассмотрении дискурса с точки зрения результата дискурс предстает как совокупность текстов, порожденных в процессе коммуникации. При анализе дискурса как процесса дискурс являет собой вербализуемую речемыслительную деятельность. Дискурс имеет 2 плана — собственно-лингвистический и лингво-когнитивный. Первый связан с языком, манифестирует себя в используемых языковых средствах и проявляется в совокупности порожденных текстов (дискурс как результат). Второй связан с языковым сознанием, обуславливает выбор языковых средств, влияет на порождение и восприятие текстов, проявляясь в контексте и пресуппозиции (дискурс как процесс) [2, 4].

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. — М.: МАКС Пресс, 2001. — Вып. 16. — 116 с. ISBN 5-317-00177-3

Более узкая, прагматическая цель — выявить универсальные и специфические черты русского культурного пространства и зоны возможных его несовпадений с инокультурными пространствами (зоны потенциальных неудач), что позволит 1) предотвратить ряд конфликтов в условиях какого бы то ни было коммуникативного контакта при межкультурной коммуникации и 2) во многом облегчить сам процесс общения представителей различных национально-лингво-культурных сообществ. По мнению Д. Б. Гудкова, предлагаемый подход имеет еще одну прагматическую цель — он будет способствовать культурному самоопределению русских. С этим трудно не согласиться, поскольку подобное исследование, выявление и описание действительно может помочь русским как национально-лингво-культурному сообществу осуществить собственную культурную самоидентификацию.

Для того, чтобы осуществить указанные цели и задачи, необходимо определиться с тем, что же мы изучаем. Основным объектом исследования в данном случае выступает русское культурное пространство (РКП). Позволю себе напомнить определение РКП, данное несколько лет тому назад участниками “Тик”: РКП — “форма существования культуры в сознании человека”, оно “включает в себя все существующие и потенциально возможные представления о феноменах культуры у членов национально-культурного сообщества” [3]. Иначе говоря, РКП — это совокупность всех индивидуальных и коллективных когнитивных пространств.

Напомню, как определяются когнитивные пространства в рамках концепции “Тик”: *индивидуальное когнитивное пространство — определенным образом структурированная совокупность знаний и представлений, которыми обладает любая (языковая) личность, каждый человек говорящий; коллективное когнитивное пространство — определенным образом структурированная совокупность знаний и представлений, которыми необходимо обладают все личности, входящие в тот или иной социум.*

Национальное культурное пространство как таковое — это информационно-эмоциональное (“этническое”) поле, виртуальное и в то же время реальное пространство, в котором человек существует и функционирует и которое становится “ощутимым” при столкновении с явлениями иной культуры. “Ядром” всех когнитивных пространств является когнитивная база (КБ), служащая тем стержнем, который “скрепляет” все когнитивные пространства и предопределяет их национальную специфику.

Сразу же напомню уже признанное определение КБ, предложенное участниками “Тик”: *КБ — определенным образом структурированная совокупность необходимо обязательных знаний и национально-детерминированных и минимизированных представлений того или иного национально-лингво-культурного сообщества, которыми обладают все носители того или иного национально-культурного менталитета, ментально-лингвального комплекса.*

Следовательно, КБ является “ядром” и культурного пространства. Русская когнитивная база проецируется на РКП и входит в него как неотъемлемая часть. С другой стороны, само РКП “отражается” в русской КБ в редуцированном, минимизированном виде. Однако это не просто “эффект бинокля” (ближе/дальше; больше/меньше), поскольку РКП — это все многообразие знаний и представлений носителей русского ментально-лингвального комплекса, в то время как русская КБ — это не просто сокращенный вариант некоторого списка феноменов. Минимизация осуществляется не путем уменьшения “объема”, но через “качественное редуцирование”, через создание инварианта восприятия того или иного культурного предмета. В этом состоит одно из отличий культурного пространства от когнитивной базы, которая включает в себя не все многообразие феноменов, но лишь те, которые являются (национально) прецедентными.

Напомню, как определяются в рамках концепции “Тик” прецедентные феномены [1]. В основе данной дефиниции лежит определение прецедентного текста, данное Ю. Н. Карауловым.

Прецедентные феномены: 1) хорошо известные всем представителям национально-лингво-культурного сообщества; 2) актуальные в когнитивном плане; 3) апелляция к которым постоянно возобновляется в национальном дискурсе. Среди прецедентных феноменов выделяются: прецедентный текст, прецедентное имя, прецедентная ситуация и прецедентное высказывание.

Что же входит в русское культурное пространство? Какими содержательными единицами оно формируется? И что именно, какие феномены в конце концов являются объектом нашего внимания и изучения? Ответ и прост, и сложен одновременно. Прост, поскольку краток и как бы лежит по поверхности: феномены, о которых мы говорим, суть *ментефакты*. А сложен ответ потому, что сразу возникает целый ряд вопросов, важнейший и простейший из которых: а что такое ментефакты? А чтобы ответить на этот вопрос, нужно разобраться в том, что такое сознание и действительность и как эти феномены между собой соотносятся. Не имея возможности подробно останавливаться на этом вопросе, изложу основные положения.

В понимании того, что есть сознание, я исхожу из постулатов отечественных школ психологии и психолингвистики (А. Н. Леонтьев, А. Р. Лурия, А. А. Леонтьев и др.). Если говорить коротко, то *сознание* есть специфически человеческая форма отражения действительности и высший тип психики (А. Н. Леонтьев). *Действительность* — это все сущее, материальное и идеальное, реально существующее и воображаемое (в виде, например, воспоминаний о прошлом, мечтаний о будущем, плодов воображения и фантазий), принадлежащее сознанию и лежащее вне его (не за границами сознания, а именно вне его, т. е. материальный мир, который может восприниматься по пяти чувственным каналам).

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. — М.: МАКС Пресс, 2001. — Вып. 16. — 116 с. ISBN 5-317-00177-3

Соотношение сознания и действительности может быть определено следующим образом (хотя это, возможно, и прозвучит слишком категорично): сознание входит в действительность. Однако это не отношения части и целого. Если само сознание — отражение действительности, то “содержание” сознания — идеальная сторона действительности. Проведу следующую аналогию: представьте себе аквариум, в котором плавают рыбки. Рыбки могут жить без воды? Нет. Рыбки и вода — одно и то же? Нет. Так вот, аквариум — это сознание, вода — идеальная сторона действительности, а рыбки — это ментефакты. Другими словами, *ментефакты* суть элементы “содержания” сознания (более подробно — см. [4, 5]). Будучи таковыми, ментефакты составляют “плоть и кровь” национального культурного пространства (в нашем случае — РКП).

Итак, основное внимание исследований, выполняемых в рамках описываемого подхода, должно быть обращено на выявление и описание основных важнейших ментефактов русского культурного пространства (и тем самым — русского языкового сознания). Каким образом это можно сделать? На мой взгляд, существует несколько взаимодополняющих путей: во-первых, это выявление архетипов русской культуры и представлений, бытующих в современном языковом сознании, восходящих к архетипам и сохраняющих архетипические черты; во-вторых, выявление, изучение, описание основных мифо-поэтических образов (от духов и фольклорных персонажей до сказочных “артефактов”) и концептов (*судьба, грех, воля, совесть* и др.); в-третьих, исследование и описание базисных фрейм-структур русского языкового сознания, например, прецедентных феноменов и стереотипов-представлений (далее — стереотипов).

Для того, чтобы было более понятно, что именно я имею в виду, приведу определения использованных терминов.

Напомню свое понимание таких терминов, как концепт, фрейм-структура сознания и стереотип [2, 4].

Концепт может быть определен как *самая обшая, максимально абстрагированная, но конкретно репрезентируемая (языковому) сознанию, подвсходящаяся когнитивной обработке идея “предмета” в совокупности всех валентных связей, отмеченных национально-культурной маркированностью* [2, 4].

Фрейм-структура есть когнитивная единица, формируемая клише / штампами сознания и представляющая собой “тучок” предсказуемых валентных связей (слов), векторов направленных ассоциаций. Предсказуемой является ассоциативная связь, в основе которой лежит некоторый когнитивный феномен — культурный предмет, репрезентированный сознанию и кристаллизованный в виде клише и штампов.

Стереотип есть некоторая структура ментально-лингвального комплекса, формируемая инвариантной совокупностью валентных связей, приписываемых данной единице и репрезентирующих образ-представление феномена, стоящего за данной единицей, в его [образа-представления] нацио-

нально-культурной маркированности при определенной предсказуемости направленных ассоциативных связей (векторов ассоциаций). С точки зрения “содержания” стереотип есть фрагмент концептуальной картины мира, устойчивый, минимизированно-инвариантный, обусловленный национально-культурной спецификой образ-представление о предмете или о ситуации, причем не о конкретном предмете или конкретной ситуации, когда-либо имевших место и приобретших статус прецедентного феномена, но о предмете или ситуации “в целом”.

Что такое ментефакты, я уже говорила: это содержательные элементы языкового сознания, ментальные образы и понятия. Ментефакты могут классифицироваться и систематизироваться на разных основаниях. Я предлагаю следующую систему ментефактов, которая имеет несколько рангов разбиения. Первый ранг представлен шкалой “информативность ↔ образность”, он дает триаду “знания — концепты — представления”.

Полосы этой шкалы — знания и представления — различаются по целому ряду параметров (представлены информационными единицами или образами; коллективны или индивидуальны; “объективны” или “субъективны”; требуют или не требуют “доказательств”; хранятся в “развернутом” или “свернутом” виде; не включают или включают коннотации и оценки; требуют работы памяти или интеллектуально-творческой работы) [2, 4]. Концепты занимают на указанной шкале срединное положение: они в значительной степени принадлежат сфере “рацио” и лишены образной прототипичности (сближаются со знаниями), но в то же время они включают в себя коннотации (сближаются с представлениями).

Знания — это некие “информационные”, “содержательные” единицы, совокупность которых представляет собой определенным образом структурированную и иерархизованную систему (напр., математические и физические правила, химические формулы, местоположение географических объектов, место и даты событий и т. п.). Среди наиболее важных, основных, или, пользуясь выражением Ю. С. Степанова, ключевых концептов следует назвать такие, как *судьба, воля, грех, совесть, закон, правда* и т. д. Знания и концепты являются “терминальными” элементами предлагаемой системы и не подвергаются дальнейшему членению (хотя в принципе это возможно).

Представления включают в себя собственно представления и образы, а также связанные с ними оценки и коннотации. Они поддаются дальнейшему членению на основе критерия, формируемого двумя основополагающими признаками: единичность vs множественность и прототипичность vs отсутствие таковой (наличие / отсутствие изначального образа предмета). Приведу примеры полярных феноменов, во-первых, именно потому, что они полярны и в них эти признаки проявляются максимально ярко и рельефно, во-вторых, потому, что эти феномены лучше всего изучены в свете предлагаемого подхода. Итак, прецедентные феномены всегда единичны и уникальны: *Пушкин* всегда один и уникален, равно, как

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. — М.: МАКС Пресс, 2001. — Вып. 16. — 116 с. ISBN 5-317-00177-3

“*Анна Каренина*”, *Колобок*, *Иван Сусанин* или “*счастливые часов не наблюдают*”. Среди стереотипов мы не найдем ни одного, прототипом которого послужил бы единичный, уникальный феномен.

Итак, второй ранг разбиения феноменов дает четыре элемента системы: прецедентные феномены (ПФ), духи, артефакты, стереотипы. Посмотрим, как разграничиваются данные феномены по указанному критерию — сочетанию признаков.

Прецедентные феномены единичны и прототипичны.

Духи не единичны и не прототипичны, косвенным доказательством чего может служить множественность образов, в которых они предстают человеку (*леший* — старое дерево, небольшой старичок, мужик выше леса; *домовой* — вообще невидим, может принимать образ отсутствующего члена семьи, животного и т. д.; *русалка* — прозрачное существо, обитающее в воде, может выходить на берег в виде молодой девушки; *водяной* — старик, который может оборачиваться камнем, корягой, плывущим по воде яблоком, даже туманом и т. д.).

Артефакты и *стереотипы* — не единичны, но прототипичны. Разница заключается в том, что изначальный образ артефакта основывается на реалии с последующим наращением качеств и свойств предмета (*скатерть-самобранка* = предмет + дополнительные свойства; *ковер-самолет* = предмет + дополнительное свойство; *избушка на курьих ножках* = предмет + дополнительный признак + дополнительное свойство и т. д.).

В самом термине “стереотип” заложена “полифоничность” предметов, это собирательный образ. В отличие от артефактов, где идет наращение, здесь происходит редуцирование качеств и свойств предмета до значимого минимума (значимого прежде всего в когнитивном и дифференциальном планах).

Среди стереотипов выделяются стереотипы-ситуации (*очередь*, *транспорт* и т. д.) и стереотипы-образы. Среди последних на основе того, к какому фрагменту мира принадлежит “предмет”, можно выделить “мир флоры и фауны” (*дуб*, *аист*, *крыса*), “мир человека” (напр., этнические стереотипы — *англичанин*, *немец*, *француз*; профессиональные — *учительница*, *банкир*, *геолог*; социумные — *новый русский*, *бомж*) и др.

Предлагаемая система, как любая система вообще, представляет лишь “скелетные” составляющие. В реальности, безусловно, есть зоны сближения, пересечения и переходов, периферийные феномены, находящиеся у границ своей группы. Приведу лишь несколько примеров. Так, *Баба-Яга*, с одной стороны, будучи прецедентным именем, обнаруживает те же признаки, что и *Колобок* и *Суворов*, но с другой стороны, она явно сближается с *домовым*. *Аист*, входящий в ту же группу стереотипов, что и, например, *крыса*, обнаруживает определенные сходства со *скатертью-самобранкой*.

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. — М.: МАКС Пресс, 2001. — Вып. 16. — 116 с. ISBN 5-317-00177-3

И последнее замечание. Все указанные представления могут выступать или не выступать в роли эталонов. Но какие именно представления могут выполнять эту функцию, почему и как на этой основе разграничиваются феномены — предмет отдельного рассмотрения.

А сейчас вернемся к разговору о том, какие направления исследований являются, на мой взгляд, наиболее актуальными на сегодняшний день. Крайне необходимым представляется изучить представление о человеке как микрокосме и человеке как части макрокосма. Перспективными в этом плане видятся следующие исследования: изучение представлений о теле человека и символических функциях органов человека в зеркале лингвокультурологии и, соответственно, изучение и описание как самих представлений, так и языковых средств, их выражающих; изучение и описание способов языкового выражения стереотипов поведения и невербальных средств коммуникации; системное описание языковых средств, обслуживающих духовную сферу человека; изучение и описание способов языкового выражения антропостремительных (В. Н. Телия) и антропоцентрических представлений о времени и пространстве; исследование представлений о строении мира, выявление, изучение и описание данных бытующих в русском языковом сознании представлений, восходящих к архетипам русской культуры, а также их отражения в языке и дискурсе; изучение и описание представлений о месте, статусе, социальных ролях, межличностных отношениях и т. д., бытующих в современном русском языковом сознании и восходящих к архетипам русской культуры, а также системное описание проявления социальных отношений в дискурсе и языковых средств, обслуживающих данную сферу.

В заключение еще раз подчеркну, что настоящая статья не ставит своей целью закрыть какую бы то ни было тему. Напротив, я очень надеюсь, что эта публикация послужит поводом для дальнейшего обсуждения как поставленных вопросов, так и проблем, не затронутых в данной работе.

Литература

1. Красных В. В., Гудков Д. Б., Захаренко И. В., Багаева Д. В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. 1997, № 3. С. 62-85.
2. Красных В. В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация.): Научная монография. М., 1998.
3. Гудков Д. Б., Красных В. В. Русское культурное пространство и межкультурная коммуникация // Научные доклады филологического факультета. М., 1998. Вып. 2. С. 124-133.
4. Красных В. В. Структура коммуникации в свете лингво-когнитивного подхода (коммуникативный акт, дискурс, текст): Дисс. ... докт. филол. наук. М., 1999.
5. Красных В. В. Виртуальна или реальна виртуальная реальность? (постановка проблемы) // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 13. М., 2000. С. 5-11.